

Алексей Парин, театровед, эссеист, поэт

1. *С какой традицией русской культуры вы себя отождествляете?*

Вопрос довольно трудный, но если попытаться на него ответить, то, пожалуй, с молодых лет я привык причислять себя к дворянско-аристократической линии русской культуры. Хотя чем старше я становлюсь, тем труднее об этом говорить. Но все-таки мне хотелось бы думать, что я к этой линии принадлежу. А в качестве модели я беру Достоевского и Толстого. Лев Толстой в «Войне и мире» подводит итог этой линии – линии дворянской культуры, а Достоевский открывает следующую, разнотинную линию русской культуры. Я понимаю, что с точки зрения человеческих отношений Достоевский на сегодняшний день гораздо более актуален, чем Толстой. Тем не менее в реальной жизни мне всегда хотелось оставаться в рамках отношений, которые описаны у Толстого, и чаще всего мне это удавалось. К сожалению, жизнь иногда выводила в пространство Достоевского, но как деятель культуры я тем не менее стараюсь держать себя в пространстве Льва Толстого. И, вероятно, правильнее сказать не «отождествляю», а «стараюсь себя там держать».

- *Чем для вас так притягательна дворянско-аристократическая культура и почему вы «стараетесь себя там держать»?*

Полагаю, это очень просто объяснить. Притягательны возвышенность и благородство помыслов как главные составляющие жизни, которые, конечно, должны проверяться жизненной реальностью и суровой действительностью, но которые ни при каких обстоятельствах «не перемалываются» и не превращаются в истерическое неприятие действительности, какой бы мрачной и безысходной она ни казалась.

- *Вы считаете Льва Толстого художником, идеально воплощающим это время, и испытываете к нему особые чувства?*

Нет, было бы неправильно так думать. Это просто модель. Скажем так: «Идиот» или «Война и мир» – это модели. И я не могу сказать, что я очень люблю Толстого как художника. И вообще, проза не самая для меня главная точка преломления. С прозой я всю жизнь в довольно трудных отношениях, потому что моя стихия – поэзия, музыка, эссеистика, философские тексты. Конечно, не Толстой является главным для меня художником, а, наверно, Пушкин. Но его не так наглядно можно с чем-то или с кем-то сравнивать, как можно сравнивать Толстого и Достоевского, если говорить о русской аристократической культуре. Мне очень близок, конечно, Набоков, писатель, который обращается со словом как эстет, с одной стороны, а с другой, видит все темные стороны жизни и всю ее безысход-

ность. Но тем не менее его взгляд, охватывающий эту действительность, остается эстетским и возвышенным. Именно это для меня очень существенно.

2. Какую эпоху русской культуры вы считаете вершинной и почему?

На этот вопрос я отвечаю с наименьшей охотой, потому что с одной стороны, мне кажется, есть в русской культуре две равновеликие эпохи: золотой век и серебряный. Они знаменуют существенный бросок всей русской культуры в мировое художественное пространство, и это очень важно. Но подробно говорить об этом мне не хочется, потому что для меня этот вопрос сейчас не так актуален, учитывая сегодняшнее состояние русской культуры – состояние неструктурированности и несобранности. В данный момент говорить о прошлом русской культуры кажется почти нетактичным.

- Но разве не может человек, который находится не в лучшем самочувствии, вспоминать о молодости как о времени, наиболее совершенном во многих аспектах?

В каком-то смысле это так. Поэтому я коротко попробую сравнить золотой век и серебряный. Поскольку серебряный век долгое время оставался вне поля зрения широкой публики, то теперь к нему приковано особое внимание. Это кажется мне неправильным, так как повышенное внимание к серебряному веку привносит в нашу жизнь некоторые вещи, свойственные модерну, который сегодня не так актуален. А золотой век актуален всегда, хотя в каком-то глубинном смысле сейчас, пожалуй, и не актуален. Я имею в виду актуальность в смысле перспективы развития: что на сегодняшний день является материалом для возникновения новых ростков. И на этот вопрос я затрудняюсь ответить. Может быть, мне мешает мое постмодернистское сознание. Я бы сказал, что самые разные ростки могут проявляться в дальнейшем.

- Вы хотите сказать, что зерна культуры золотого века замерзли и ростков не дадут?

Я так не думаю. Может быть, в конкретных продуктах культуры это сейчас не проявлено, но создатели и потребители русской культуры, несомненно, эти зерна в себе ощущают, и эти зерна живые.

3. Как сказалось на развитии русской культуры завершение советского периода истории России?

Безусловно, сказалось положительно. Я имею в виду не сегодняшнее состояние культуры, а большой потенциал развития. Мне кажется, что такой шок, который

общество и вместе с ним культура пережили, неизбежно приводит к состоянию «пейзажа после битвы». Но постепенно, по логике развития, этот пейзаж будет восстанавливаться, «отстраиваться заново». Общение с молодежью, с моими студентами подсказывает мне, что не все безнадежно. Я чувствую в них очень сильный положительный заряд.

- Какие процессы, происходящие в русской культуре постсоветского периода, для вас очевидны?

В начале 90-х было гораздо больше надежд, чем в конце 90-х и тем более в начале нового столетия. То, что происходит сейчас, напоминает цветочную клумбу, на которой много цветов пожухло. Эту клумбу плохо поливают. Цветам трудно расти, трудно пробиваться. И к тому же много сорняков на клумбе. Они очень мешают.

- А что вас больше всего радовало в середине 90-х?

Прежде всего конкретные впечатления. Это была музыка Альфреда Шнитке и композиторов его поколения Софьи Губайдулиной, Эдисона Денисова, Николая Каретникова. В этой музыке была такая жизненная сила, такая надежда. Было ощущение, что корни русской культуры дают какой-то мощный цвет. Сейчас все изменилось. Недавно я смотрел три балета Ноймайера в постановке Мариинского театра. Последний из балетов на музыку Альтовского концерта Шнитке, и эта музыка уже не воспринималась мною так, как раньше. Хотя это хорошая музыка, и она не стала для меня музыкой второго сорта. Но эта музыка попала в новый контекст, и в новом контексте она выглядит не так мощно и оптимистично. То же самое случилось с музыкой Губайдулиной. Когда я присутствовал несколько лет назад на премьере «Пассионов» в Штутгарте, мне показалось, что Губайдулина не сказала в этом сочинении ничего нового, скорее повторила самое себя. А другие композиторы, например, Голыхов из Аргентины или китаец Тан Дун, сказали какие-то новые для меня слова, которые показались мне очень важными. И это тоже заставляет меня смотреть на состояние русской культуры как на пейзаж после битвы. Я как человек, участвующий в процессе какого-то формирования культуры, чувствую, что возможностей внутри русской культуры сегодня довольно мало, если не иметь в виду возможности аутсайдера. Аутсайдер всегда, в любой культуре может многое сделать. Я бы хотел быть аутсайдером, но с какого-то момента я на это не решаюсь.

- Можно ли рассчитывать на то, что большая культура за аутсайдерами?

Безусловно. Человек, с которым я недавно сотрудничал, композитор из Харькова Александр Щетинский, который как раз находится в состоянии аутсайдерском и не идет на контакты с официальной культурой, не умеющей себя грамотно воспроизводить, очень последователен в этом отношении. И мне кажется, он рабо-

тает на очень большой глубине, и именно аутсайдерство дает ему такую внутреннюю силу. Я ему в каком-то смысле позавидовал.

- Есть точка зрения, что сейчас не время музыки и не время литературы. Сейчас время театра. Вы как театровед разделяете эту точку зрения?

Нет, не разделяю, потому что великое время европейского и мирового театра позади. Это были 70-е – 80-е годы. Однако нельзя утверждать, что лет через пять не наступит какой-то новый взрыв, хотя лично мне так не кажется.

- Вы считаете, что русская культура является отражением мирового культурного процесса и не может что-то предложить вопреки всему?

Может, безусловно, и на это хотелось бы надеяться. Но в данный момент такой надежды у меня нет.

4. Ощущаются ли изменения в культурной ситуации в связи с приходом к власти нового лидера?

Изменения идут в сторону «советизации» культуры, гораздо большего внимания к парадной стороне. Но это не имеет отношения к глубинным процессам, происходящим в культуре, как и тот факт, что министр культуры все время присутствует на канале «Культура» и делает «Культурную революцию». Однако все слова тут надо взять в кавычки. Все это в принципе ситуацию не меняет.

- А возможны ли сущностные изменения в культурной ситуации, если лидер был бы заинтересован в этом?

Да, безусловно, возможны, если лидер будет всерьез соотнесен с проблемами культуры или будет рядом иметь человека, которому он доверяет и который всерьез понимает проблемы русской культуры.

- Если бы вы могли стать таким человеком, то каким образом попытались бы изменить культурную ситуацию?

На этот вопрос легче ответить мне не сегодняшнему, а мне – начала 90-х, когда все мы прикидывали: как все будет развиваться, когда культурой будут очень разумно управлять и те небольшие деньги, которые на нее отпущены, будут разумно расходоваться.

Конечно, самое главное – начать поиск потенциала, который находится внутри национальной культуры, находить эти ростки и всемерно поощрять самые смелые, самые странные, самые парадоксальные идеи. Лет 10-15 назад такой прорыв осуществила Франция в отношении танцевального искусства, когда за один сезон было представлено 100 или 200 танцевальных коллективов. И хотя почти все они «умерли», осталось всего примерно 10 жизнеспособных ансамблей, но это

был очень важный опыт. Это был момент осознания культурного потенциала в области танцевального искусства этой страны. Я считаю, что такие акции значительно важнее, чем все престижные конкурсы, которые сегодня завладели общественным вниманием, хотя они играют роль не очень существенную в процессе развития культуры.

- Вы бы предпочли устраивать такие ярмарки культуры, на которых может себя представить каждый?

Да. Сейчас важен активный поиск людей, которые могут сказать даже пол-слова сегодня, а уже завтра, может быть, они скажут целое серьезное предложение.

- Не окажемся ли мы в таком случае в плену у самодеятельного творчества ?

Вначале это неизбежно. Но большие таланты быстро переходят из состояния любительства в профессиональное творчество. Быстрое наращивание профессионализма – одно из свойств настоящего таланта. А после того, как таланты обнаружены, главная задача человека, который руководит культурой, дать возможность расти такому таланту, воплощать свои творческие идеи.

- Окажись вы на месте такого руководителя, что еще вы попытались бы модернизировать в нашей культуре?

Поиск талантов – главное, потому что за этим стоит спонтанный рост культуры как таковой. А потом обратил бы внимание на то, что уже сейчас возникает вопреки неструктурированности нашей культуры. Я имею в виду вопросы теории культуры, которые стали постепенно сводиться в некую систему. Это важная вещь, без которой оценка живого развития культуры тоже не возможна.

- Не кажется ли вам, что расстояние между воспринимающими и создающими культуру в последнее время явно увеличилось и скоро просто некому будет оценивать то, что будут предлагать нам новые таланты?

Тут я остаюсь оптимистом. По-настоящему живое искусство устроено как айсберг, многослойно. Оно воздействует на самых разных уровнях. Бывает, что гениальные вещи воспринимаются в штыки, но это исключение. Так что в этом смысле я проблемы не вижу. Конечно, сегодня простое, рыночное искусство превалирует и идет на поводу у публики, обладающей не самым изысканным вкусом, но это все же не отражает объективную реальность.

5. Восстанавливается ли по вашему мнению государственная опека культуры? Нуждается ли в этом русская культура на данном этапе?

Мне кажется, что не восстанавливается. А если об этом заходит речь, то это просто «игра» и не более того. Но я считаю, что культура в государственной опеке и

не нуждается, потому что люди во всех аппаратах, занимающиеся культурой, совершенно не подготовлены для такой работы, в том числе не подготовлены интеллектуально. Ведь государственная опека – это введение культурного процесса в какие-то рамки и установление каких-то приоритетных направлений. Но сейчас опека невозможна и не нужна. Дело в том, что в России давно уже сложилась такая ситуация, что при слове «опека», или патронирование, мы приходим в ужас. За этим привыкли видеть только негативное. Этот ужас возникает при одном только намеке на какой-то контролирующий взгляд. Это очень сильно ощущается на всех уровнях, например, в театральном процессе. Если на Западе создание спектакля – коллективное дело, и в процессе возникает много диспутов, споров, в которых участвуют все, то в России ситуация выглядит иначе. Художники, затравленные советским временем, даже молодые, 30-летние режиссеры, которые в юности этот гнет испытали в учебных заведениях, теперь так страстно борются за свою независимость, духовную и всякую другую, что они не принимают никакой коллективности в создании спектакля. И из-за этого возникает сложность как раз для функционирования сегодняшней театральной культуры в России. Это тяжелое наследие советского времени, от которого мы будем освобождаться очень долго.

- Но все-таки не будем забывать, что кроме людей творящих есть и люди служащие - сотрудники библиотек, музеев, учебных заведений, которым предоставлена у нас «счастливая» возможность жить и выживать без всякой опеки государства. К чему все это может привести?

Что касается библиотек, музеев, учебных заведений, то, конечно, им серьезная, умная опека нужна. Только где же ее взять? Государство – это хорошее «нечто». И когда оно, то есть чиновники, берется что-то проводить в жизнь, то далеко не всегда это ведет к лучшему. Если представить провинциальный музей, где есть хороший директор и парочка толковых сотрудников, то уж лучше пусть они делают то, что могут, чем им будут сверху давать какие-то указания, директивы и поправки.

6. Как соотносятся понятия «элитарность» и «народность» в новую эпоху?

Эти оба слова звучат сейчас почти неприлично. Начиная с 90-х годов мы с таким удовольствием не произносили слово «народность» и с таким удовольствием говорили про свою элитарность, что сегодня при нашем «пейзаже после битвы» этого произносить просто нельзя. Есть слова, на которые должен вводиться внутренний запрет. Мне кажется, что слово «элитарность» совсем нельзя сегодня произносить. Слово «народность» само по себе, наверное, получше. Но вместе с тем, не очень ясно, что оно сегодня значит.

- Тогда возьмем термины, которые не раздражают, но заключают в себе примерно тот же смысл. Скажем, культура серьезная и развлекательная...

Серьезное и развлекательное, безусловно, остаются в русской культуре. Может быть, сегодня труднее сформулировать критерии, по которым это должно разделяться. Но человек, который находится внутри культуры и принимает участие в культурном процессе, безошибочно разделяет такие понятия. Правда, есть и смешанные случаи, когда в оболочке развлекательности скрыто нечто серьезное. Массовой, развлекательной культуре сегодня тоже свойственно выдавать себя за серьезную. В данной ситуации слово «соотношение» я заменил бы словом «взаимопроникновение». Это, собственно говоря, отражает особенности модного сейчас течения постмодернизма. Вообще на этот вопрос легче отвечать, глядя на культуру Западной Европы, где все более или менее четко разграничено. В России все гораздо больше перемешано. Может быть, это как раз связано с расструктурированностью культуры. Академическая музыка сильно потеряла в качестве, компенсируя это какой-то броскостью и развлекательностью. Балет Большого театра потерял былую глубину и серьезность, и туда пришли такие, как Анастасия Волочкова, которая является скорее топ-моделью, чем танцовщицей. Но мне кажется, что как и во всем мире, эти две ветви культуры все-таки будут держаться параллельно друг другу и не сольются никогда.

- Чем вы объясняете настойчивое проникновение развлекательности в «серьезные» дома и залы? Только тем, что серьезное искусство теряет в качестве, или это некая стихия и вообще знак времени?

Прежде всего имеют значение особенности культуры и национальные традиции. Я никогда не забуду очень резкой реакции знаменитого английского режиссера Дэвида Паунти, который на фестивале в Брегенце просто кричал на публику и критиков, потому что те считают страшным грехом развлекательность в оперном театре. А в английском театре все иначе. Там до сих пор живет Шекспир, который был и серьезным, и смешным. Поэтому в английском театре всегда присутствует элемент развлекательности. Спектакли самого Дэвида Паунти, которые я видел на «озерной» сцене на фоне живого пейзажа, «Набукко» и «Фиделио», были очень зрелищны и в известном смысле развлекательны. В них было что-то от цирка, а что-то от кино, и одновременно в них были заключены глубочайшие идеи. Это примеры безупречного соотношения развлекательности и глубины. В истории русского театра были Таиров и Мейерхольд, а с другой стороны, Станиславский и Немирович-Данченко. В режиссуре Таирова и Мейерхольда присутствовала, конечно, развлекательность, но она была очень высокого уровня. В наши дни это демонстрирует театр Романа Виктюка. Чем были замечательны его «Служанки»? Как раз тем, что театральная развлекательность и броскость была соединена с очень глубокой художественной мыслью. Может быть, в этом смысле сейчас как раз время театра. Но развлекательность и броскость может быть, условно говоря, английской, то есть связанной с подвижным внутренним содер-

жанием, а может быть плебейской, когда это просто броская внешняя форма. Все зависит от таланта и вкуса режиссера. А искусство, повторяю, айсберг, где есть и глубинные слои, и поверхностные. И современное искусство, пожалуй, устроено именно так.

7. Понимаете ли вы свою деятельность как служение и в каком смысле?

Вероятно, да. И в этом смысле я прежде всего благодарен своему отцу, который был для меня воплощением всего, что связано с понятием «русский интеллигент». Он был ученым, естествоиспытателем, физиологом. Его жизнь была действительно служением науке. Следуя его примеру, мне всегда хотелось что-то сделать для русской культуры. Хотелось, чтобы мои знания и какие-то возможности ейгодились.

- А у вас не возникало желания как-то изменить свой путь?

Нет, никогда. Мне довольно рано стало ясно, что другого мне не дано. Не было даже попыток найти что-то проще и легче. Сразу было ясно, что ни в каком советском учреждении культуры я находиться не могу. Поэтому во все времена я оставался переводчиком, критиком, эссеистом. Иначе это привело бы просто к распаду личности.

8. Какое влияние оказывает на русскую культуру процесс глобализации мирового культурного пространства?

Это влияние довольно сильное. Может быть, расструктурирование русской культуры в какой-то степени связано с шоком от того, что мы после большого перерыва вошли в мировую культуру и поняли, что мировая культура переживает процесс глобализации и надо соответствовать определенным требованиям. Это для многих деятелей культуры оказалось непосильной задачей. Отсюда возникла неуверенность и невозможность соответствовать требованиям времени. Я думаю, что люди, которые подолгу бывают за границей, все это переживают легче, попадая в контекст американской или европейской культуры.

- Как вам представляется, что влечет за собой процесс глобализации?

Я не вижу каких-то серьезных отрицательных последствий на сегодняшний день ни в России, ни в тех странах, где я чаще всего бываю – в Австрии, Германии и Франции. Реальной опасности я не вижу. Такой город, как Париж, всегда хотел быть глобальным и всегда представлял себя в отдельных людях моделью вселенной. Таким он остается и по сей день. А Вена как 10 лет назад, так и сейчас остается провинциальным, симпатичным европейским городом. Все равно европей-

ское сознание и мышление сохраняет свои национальные особенности. Все равно немцы и французы так же плохо понимают друг друга, как 20 или 50 лет назад. Мне кажется, что глобализация находится на таком уровне, который глубинные, интимные слои культуры не затрагивает. Трудно представить, что произойдет с культурой через 300-500 лет, но сегодня это не страшный процесс. Можно, вероятно, говорить о том, что глобализация в каком-то смысле подчиняет себе развлекательную культуру. Но ведь существовал же такой феномен, как итальянская опера 18-го века, которая подчинила себе оперные театры всего мира, предлагая много талантливого, но много и подделок.

9. Сложились ли в России новые взаимоотношения церкви и государства и как это сказывается на русской культуре?

Да, безусловно. Сложились отношения взаимных консультаций, и это все более окостеневает и приобретает партийный характер. Мне кажется, что на русской культуре это, к счастью, не сказывается. Это процесс, параллельный развитию культуры.

- А как отреагировала русская культура на снятие запретов, связанных с религиозной темой?

В таком случае слово «церковь» произносить не нужно. Следует говорить о религиозном чувстве, о духовных поисках в прямом конфессиональном плане, что раньше было действительно невозможно. С 90-х годов началось активное «освоение» этой темы, оно происходило даже несколько утрированно. Но постепенно, так же как и на Западе, это станет частью нормального творческого процесса.

- Насколько значима религиозная идея в современной западной культуре и есть ли нечто сходное с тем, что происходит сейчас в России?

Во Франции, например, после Великой французской революции эта тема не должна была бы играть никакой роли, но тем не менее в 20-м веке во французской культуре началось великое католическое возрождение. Это сказалось и в литературе, и в музыке. Например, понять Мессиана без его католицизма невозможно. Однако в атеистической Франции с большим уважением относятся к таким явлениям в культуре, как творчество Оливье Мессиана. Я уже не говорю о Германии, где это очень важный компонент культуры. В любой из европейских стран эта тема весьма активно осмысливается. Сами деятели культуры могут спокойно говорить, что они неверующие. Однако они не могут существовать в системе культуры, не соотнося себя с религиозной проблематикой. В России до какого-то момента было запрещено это осмысливать открыто. А после того как запрет был снят, началось всеохватное, истерическое увлечение религиозными

идеями. Но постепенно все приходит в норму, как в любой цивилизованной стране.

- Волна увлечений религиозной темой принесла какие-то плоды в виде серьезных художественных достижений?

Для таких людей, как Шнитке, Губайдулина, Николай Каретников, ничего существенно не изменилось. Они как раньше, так и в «новые времена» обращались к этой теме, создавая сочинения художественно значимые. Николай Каретников писал свою «Мистерию апостола Павла» в стол, и я был очень горд тем, что на фестивале, которым я руководил, в 1995 году состоялась премьера этого произведения. Мне также довелось принимать участие как либреттисту в создании трех сакральных опер и пережить в связи с этим личное экзистенциальное ощущение. Я имею в виду оперы «Ева» Иосифа Барданашвили, «Моисей» Владимира Кобекина и «Благовещение» Александра Щетинского. Это не было воплощением модной темы, а было естественной кульминацией в духовном развитии каждого из этих авторов.

10. Является ли завершение постсоветской эпохи, совпавшее с концом века и тысячелетия, завершением определенного этапа в развитии русской культуры и можно ли говорить о новых тенденциях?

Я считаю, что можно говорить о завершении определенного этапа русской культуры. Что же касается новых тенденций, то, наверное, к концу первого десятилетия 21-го века можно будет об этом говорить, а сегодня я не рискну. Сегодня воцарилась такая открытая, зияющая пауза. Но постепенно, я думаю, эта ситуация будет преодолеваться и начнут прорасти новые тенденции в культуре. Сейчас мы наблюдаем то, что осталось на «поле после битвы», и это является исходным материалом для рождения чего-то нового, для собирания энергии преодоления этого нулевого момента.

- То есть завершение данного этапа русской культуры не несет в себе положительного знака?

В положительном смысле я оценил бы 90-е годы, потому что это было время, когда русская культура смогла заново себя воспринять, может быть, даже поиграть мускулами: «Да! Русская культура существует!». Это был водопад, который низринулся с горы, но постепенно начал терять свою силу и истощился, потому что новых импульсов не возникло.

- Можно ли вспомнить в истории русской культуры периоды, которые напоминают то, что происходит сейчас, когда после бури возникла странная тишина?

Мне кажется, это вполне нормальное явление, хотя трудно анализировать то, что наблюдаешь воочию. Для сравнения вспомним, как развивалась русская поэзия в 19-м веке. После золотого века возникла довольно долгая пауза, хотя отдельные личности время от времени заявляли о себе. Как быстро сможем мы преодолеть состояние творческого анабиоза, покажет время. Но мне хочется оставаться оптимистом, и я считаю, что хоть река и обмелела, но вот-вот забьет новый родник.